

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.2>.

EDN: MCZSCG

*В.А. АЧКАСОВ*¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

ПАРАДОКСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Исследуются парадоксальные особенности региональной этнополитики в современной России, которые, по мнению автора, во многом объясняются тем, что в современной России сохраняется практически без изменений идеологическое и институциональное наследие советской национальной политики. Речь идет прежде всего о преобладании не только в обществе, но и в научном, а также политическом дискурсе этнокультурной трактовки нации. В силу этого политические и интеллектуальные элиты «внутренних» российских наций с большим подозрением относятся к реализации заявленной в «Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года» цели — формированию российской гражданской нации, поскольку рассматривают процессы культурной ассимиляции как ненормальные и опасные для этнонаций, а территорию — как категорию «национальной», а в действительности этнической собственности. По результатам исследования автор формулирует некоторые рекомендации, касающиеся необходимых изменений содержания российской этнополитики.

Ключевые слова: региональная этнополитика, Россия, нация-согражданство, политика идентичности, политические элиты, этноцентризм.

Для цитирования: Ачкасов В.А. Парадоксы региональной этнополитики в современной России // Власть и элиты. 2024. Т. №. С. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.2>. EDN: MCZSCG.

Политика государства всегда имеет решающее значение в процессе определения места и политической роли этничности. Транслируемые им дискурсы, создаваемые институты и устойчивые во времени смыслы становятся основой конструирования национальной и этно-региональных идентичностей. При этом условием стабильного существования современной нации-государства является поддержание политическими и символическими средствами вполне определенной иерархии идентичностей его граждан. «В этой иерархии по определению на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, являющаяся приоритетной перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической» [14, с.109]. Более того, решение проблемы формирования российской нации-согражданства является ключевой для сохранения государственного единства России. Поэтому требует всемерной поддержки цель, не раз сформулированная В.А. Тишковым: «Всеми доступными методами нам нужно решительно утверждать российский национализм, имея в виду осознание и отстаивание национального суверенитета и интересов страны, укрепления национальной идентичности российского народа, утверждение безоговорочного приоритета самого понятия “российский народ”. Всякие другие варианты национализма на основе этнических крайностей не состоятельны и должны быть отвергнуты» [19, с. 196].

Однако, как писал еще в 2008 г. социальный антрополог Ю.П. Шаббаев, в российских регионах, в том числе под влиянием региональной «национальной» политики и все более массовой иммиграции, происходит последовательное разделение общества на этнические сегменты, идет процесс строительства новой этнической иерархии и невольный отказ от идеи гражданской консолидации [21, с. 143]. Прошло более десяти лет, и этнополитолог В.А. Авксентьев вынужден снова констатировать: «Советская и даже еще более ранняя традиция отождествления национального с этническим укоренилась в отечественной культуре, однако проблема в том, что эта традиция в российских республиках только укрепляется и мы имеем дело с сильным лоббированием идеи этнонации со стороны ученых из республик, политиков и деятелей культуры» [2, с. 164].

В то же время, как свидетельствуют результаты социологических исследований, в современной России наблюдаются очевидные проб-

лемы, связанные с формированием гражданской идентичности. В частности, россияне не очень-то доверяют друг другу. Так, уровень обобщенного доверия (т.е. людям в целом) составил 39 %, уровень обобщенного недоверия — 47 %, и этот показатель одинаков среди русских и нерусских россиян. При этом обобщенное доверие можно рассматривать как действенный фактор становления общероссийской идентичности, поскольку его уровень среди людей с сильной российской идентичностью («часто ощущающих общность с гражданами России») заметно выше, чем среди тех, кто «никогда» не ассоциирует себя с гражданами России. Уровень межэтнического доверия сопоставим с уровнем обобщенного доверия. Однако уровень внутриэтнического доверия заметно выше, что свидетельствует о сохраняющейся большей значимости этнической категоризации для россиян [11, с. 93–102].

В этом контексте современная российская этнополитика, называемая у нас национальной, представляется вполне парадоксальной. Российский исследователь Н.Ю. Силаев так сформулировал этот парадокс: «С одной стороны, “национальная политика” — доктринально материя настолько важная, что ради нее следует создать отдельный федеральный орган исполнительной власти. С другой стороны, на практике она состоит из организации всевозможных форумов и конференций, на которых произносятся речи о ценности культурного разнообразия и дружбе народов, а также из скромной поддержки языков и культур народов Российской Федерации» [18, с. 227].

Более того, парадоксальным образом институты, предназначенные для реализации государственной этнополитики и строительства российской нации-согражданства, служат инструментами политизации этничности и закрепления межэтнических различий. Они зачастую поддерживают меры, направленные не на интеграцию и консолидацию граждан России, а вкладывают государственные средства в акции и мероприятия, способствующие воспроизводству и укреплению культурных границ между различными этнокультурными сегментами российского общества. Отсюда ориентация на проведение этнических конкурсов красоты, этнических спортивных турниров, на этническое искусство, этническую моду, этническую религию, этническую журналистику (так, ежегодно проводится конкурс журналистских публи-

каций, посвященных, «гармонизации межнациональных отношений» — «СМИротворец», на деле способствующий скорее этнизации многих социальных проблем) и т.д. Более того, Маргарита Лянге — президент гильдии межэтнической журналистики РФ, даже говорила о «тихом саботаже» выполнения ключевой цели Стратегии государственной национальной политики (формирование российской гражданской нации) со стороны региональных властей, пытающихся переждать изменения¹.

Анализ реальной политической практики показывает, что демонстрация культурных границ между группами и акцентирование культурных отличий становится во многих случаях основным содержанием региональной этнополитики. Такой подход ведет к абсолютизации культурных отличий и значимости традиций «титulyных» этнических групп и потому чреват откровенным этноцентризмом и конфликтами. В результате «национальная политика, как и в советское время, оказывается машиной для производства этнических идентичностей. И административная практика укрепляет этнос в качестве базовой единицы социального мира, политической сущности» [18, с. 237]. В.С. Малахов определил этот подход как «методологический этноцентризм», т.е. взгляд на общество, как на конгломерат этносов, в котором этническое всецело закрывает собой социальное, экономическое и политическое [12, с. 50].

В свою очередь, своя «этническая территория» считается и сегодня в России и государствах постсоветского пространства необходимым условием для воспроизводства больших и малых народов и для полноценного развития «человека-этнофора». Из этого следует, что защита «своей» территории и сохранение на ней так называемого этнокультурного равновесия имеет стратегическое значение для сохранения «этноса» и воспроизводства национальных языков и культур» (этнических маркеров) [20, с. 10]. Однако закрепление привилегированного положения или монопольного контроля этнического большинства или тем более этнического меньшинства (что имеет место во многих на-

¹ Эксперты обсудили слабые места стратегии национальной политики // Национальный акцент. URL: <https://nazaccent.ru/content/9873-eksperty-obsudili-slabye-mesta-strategii-nacionalnoj.html> (дата обращения: 12.09.2024).

циональных республиках России) над определенной территорией и редкими ресурсами представляет собой институализированную форму этнического неравенства и, в потенции, этнополитического конфликта.

Следует также помнить, что, во-первых, многие лидеры и активисты радикальных национальных движений 1990-х гг. ныне ушли в систему образования, СМИ, экспертное сообщество, продолжая свою «работу» по формированию этнонациональных идентичностей и «национальных кадров». Во-вторых, для существующих сегодня этнических организаций во многих национальных республиках РФ, которые в начале 2000-х гг. вынужденно переквалифицировались из общественно-политических в общественные, именно защита титульного языка, религии и истории стали новой формой идеологии, однако при этом от своих прежних политических целей этнические лидеры отказываться не захотели. Документы национальных движений в России по-прежнему строятся на очевидном противопоставлении этничности российскому гражданству, и эта идейная оппозиция, существующая много лет, активно работает против политики гражданской интеграции и построения российской гражданской нации [5, с. 170–183].

Сотрудничество с этническими активистами, с одной стороны, обеспечивает зависимость возглавляемых ими организаций от региональных властей и их лояльность, но с другой — административная и финансовая поддержка властей делают этнические организации органической частью политического дизайна российских этнорегионов, а сама этнополитика вместо однозначной ориентации на интересы общества и государства в большей мере ориентируется на удовлетворение интересов титульных этнических групп и лидеров этнических организаций. Как добавляет Н.Ю. Силаев, «многие представители республик или главы национально-культурных организаций кооптируются из числа предпринимателей, для которых эта “общественная нагрузка” становится средством развития бизнеса. “Этнос” оборачивается патрон-клиентской сетью, наделенной символическим капиталом и административным ресурсом» [18, с. 238].

Факт мультиэтничности национальных республик РФ воспринимается и властями, и этническими активистами не как стимул для выработки интегральной идеологии, но как мотив к еще большей инсти-

туционализации этнической идентичности и интенсификации усилий по защите групповых прав «коренных этносов», которые лишь еще больше стимулирует центробежные тенденции и практически всегда влекут за собой произвол и неравенство, так как сам отбор привилегированных групп, равно, как и определение того, кто к каким группам принадлежит, является вполне произвольным. Поэтому можно отметить еще одну устойчивую тенденцию: акцентированные культурные отличия между этническими группами одного территориального сообщества являются, во-первых, основанием для построения статусной политики элит «титულიной» группы, использующей для этого часто сфабрикованные исторические аргументы и культурные символы; во-вторых, еще одним ресурсом для легитимации особых прав этой группы. Все это потенциально разрушает гражданскую солидарность и гражданское единство в российских регионах.

В результате региональные власти оказываются в ловушке преимущественно имитационной этнополитики. Как следствие, действующие ныне региональные институты «национальной политики» часто оказываются нечувствительными к реальным проблемам, с которыми сталкиваются местные этнокультурные сообщества. Они не только не способны организовать эффективный мониторинг межэтнических отношений в регионе и существующих конфликтных ситуаций, но и не в силах разрешить возникающие конфликты, в частности потому что их кадровые, административные и финансовые ресурсы крайне ограничены. Не имея реальных возможностей решать существующие проблемы, институты этнополитики, как уже отмечено, пытаются продемонстрировать свою эффективность путем ориентации на наименее сложную и визуально фиксируемую сферу деятельности — организацию различных фольклорно-фестивальных мероприятий. «Бюрократическая традиция заставляет не только «визуализировать» национальную политику, но и идеализировать характер межэтнических отношений в национальных республиках, что никак не помогает решать наиболее сложные проблемы реальной этнополитики» [23, с. 167–183].

Дополнительную опасность в этом контексте, несет сегодня то, что «политики мейстрима... разделяют с политическими маргиналами готовность помещать и миграционную проблематику в контекст «меж-

национальных/межэтнических отношений», — отмечает В.С. Малахов. В таком контексте сложнейший комплекс общественных отношений — между работодателями и работниками, между административными структурами и бизнесом, между организованными преступными группировками и властями, между приезжими и местными работниками и т.д. — упрощаются до отношений между «этносомами». Результат такого упрощения — истолкование социальных конфликтов, связанных с иммиграцией, в качестве «межнациональных конфликтов». Крайне опасное упрощение, особенно если учесть, какой мобилизационный потенциал оно в себе таит [13, с. 205–206].

В 1990-е и 2000-е гг. для понимания региональной политики идентичности и доминирующих общественных настроений значимой была бинарная оппозиция «Москва — регионы», или, если точнее, «Богатая Москва — бедные регионы», «То, что “Москва всех грабит”, для любого регионального жителя столь очевидно, что даже нет необходимости искать ссылку на мнение. Это “все знают”», — с иронией отмечал Л. Бляхер [6, с. 94]. Правда, одновременно в формируемых региональных мифах, зачастую проглядывал «комплекс неполноценности» по отношению к Центру. Сегодня эта политика уже не конфронтационна и, как правило, имеет два основных направления: 1) изыскание и популяризация региональных героев и символов; 2) формирование позитивного и привлекательного регионального имиджа. Однако, отличительными чертами региональной политики идентичности является ее гибкость и латентный конфликтный потенциал. То есть в зависимости от характера отношений между центром и регионом одни и те же символы, места памяти, события и процессы могут быть наполнены различным нарративным содержанием, которое даже может быть противоположно предыдущему.

Поэтому инструменты политики идентичности те же, что и раньше: мифотворчество, исторические манипуляции, попытки воссоздания старых и конструирования новых традиций и др. К числу новых ее особенностей можно отнести разве что разработку, по примеру федерального центра, разного рода заведомо не реализуемых концепций регионального развития на среднесрочную перспективу.

В то же время в отсутствие внятного политического дискурса элит по поводу задач гражданского нациестроительства, понятных гражд-

данам России и направленных на не конфронтационное развитие общества и государства, крайне затруднены: и поиск гражданами конкретных маркеров общероссийской гражданской идентичности, и процесс ее обретения. Поэтому сегодня в условиях острейшего геополитического кризиса россияне, отмечает М.А. Аствацатурова, «по российской министральной традиции¹ повышают свою лояльность отечеству, отождествляя отечество с государством, государство с властью, а власть с Президентом РФ в конкретной персонификации» [4, с. 46].

В результате смысл «национальной политики» радикально искажается. В связи с чем, как представляется, можно говорить о наличии идейного и организационного кризисов государственной этнополитики в современной России.

По мнению экспертов, для того чтобы предотвратить осуществление потенциального сценария регионализации и даже распада России, необходимо радикально изменить отношение к этнополитике и ее содержание:

Во-первых, необходимо уделить серьезное внимание кадровому составу институтов этнополитики, организовать эффективную этнополитическую подготовку и переподготовку кадров государственных служащих, отвечающих за формирование региональных моделей этнополитики.

Во-вторых, необходимо, унифицировать саму систему этнополитических институтов, поскольку необходимость проведения единой государственной национальной политики диктует необходимость не только общей доктринальной и законодательной базы такой политики, но и единых институтов, с помощью которых эта политика будет реализовываться.

В-третьих, надо пересмотреть и расширить функции данных политических институтов.

В-четвертых, институты этнополитики должны наладить тесное сотрудничество с академической и вузовской наукой и исключить

¹ Министериалитет — это служба, в которой отсутствует договорная основа, т.е. слуга находится в прямой и безусловной зависимости от господина.

практику, когда исследования этнических проблем проводятся случайными людьми, а корпус экспертов формируется за счет общественных активистов — «этнопредпринимателей» или ангажированных ученых и чиновников.

В-пятых, крайне важно выработать серьезные критерии оценки деятельности институтов этнополитики. По мнению экспертов, такими критериями не может быть количество проведенных фольклорных фестивалей и конференций или суммы, потраченные на поддержку национально-культурных автономий и их лидеров. Очевидным критерием оценки будет служить уровень распространения настроений толерантности/интолерантности и гражданской солидарности в каждом конкретном регионе. Оценка уровня подобных настроений может быть осуществлена социологическими методами, но проводить социологические замеры должны лишь независимые от региональных властей социологические службы [22, с. 27–28].

В-шестых, как с недоумением отмечают эксперты, проблематика особенностей федеративного устройства, централизации/децентрализации власти не фигурирует ни среди основных вопросов государственной национальной политики, требующих особого внимания, ни среди целей национальной государственной политики, ни среди ее приоритетных направлений [1, с. 12]¹.

В-седьмых, русские, как и в советские времена, остаются «незамеченным объектом национальной политики» [8, с. 195]². Однако защита их от проявлений дискриминации по этническим основаниям не менее актуальна, чем защита прав представителей этнических меньшинств России. Как резонно отмечал еще пятнадцать лет назад академик В.А. Тишков, «престижность русскости и статус русских можно и нужно повышать [но] не на пути отрицания российскости, а на пути утверждения двойной идентичности (русской и российской), через улучшение условий жизни регионов преимущественного про-

¹ В редакции Стратегии государственной национальной политики 2018 г. по этой проблеме изменений не произошло.

² Характерно, что отдел ЦК КПСС по делам национальностей тоже занимался проблемами исключительно нерусских регионов и национальных меньшинств.

живания русских, через содействие их социальному и политическому представительству в российском государстве» [3 с. 101]. Но прежде всего решение «русского вопроса» предполагает обеспечение равных условий и возможностей для развития регионов страны, сбалансированной финансовой поддержки регионов со стороны федерального центра.

Можно констатировать, что доставшаяся от советского прошлого модель межэтнического общежития не могла быть улучшена за счет частичных, косметических изменений и должна быть заменена гражданско-политической моделью национальной/гражданской интеграции, одной из базовых преимуществ которой является способность к саморазвитию, перенастройке и тем самым к оперативным ответам на постоянно возникающие вызовы. При этом важнейшим условием гармоничного сосуществования гражданской и этнокультурной идентичностей является формирование в стране такой политической институциональной среды, которая позволила бы носителям разных культур ощущать себя равноправными участниками развития государства, т.е. его гражданами, а не подданными отчужденной от них власти. Пока же эксперты вынуждены констатировать: «Идея непротиворечивого соединения этнической и общероссийской идентичностей привлекательна и в теоретическом, и в практически-политическом плане, но является скорее нормативной моделью, чем эмпирически фиксированным фактом» [9, с. 23].

Обычно исследователи предлагают шесть основных способов урегулирования этнополитических проблем:

- консоциация, т.е. инкорпорация этнических групп и прежде всего их элит в политическую и административную структуру центральных органов государства;
- синкретизм — культурное представительство этнического разнообразия (предоставление права на «национально-культурную автономию» и т.д.) при фактической деполитизации этничности;
- судебный надзор и арбитраж этнических проблем (а также создание института вмешательства в этнические процессы центральной исполнительной власти);
- федерализация — децентрализация и разделение власти по вертикали, предполагающая передачу значительной части властных

полномочий субъектам федерации, т.е. создание той или иной комбинации самоуправления и разделенного правления, что, в частности, предполагает иерархическое упорядочение доступных для личности вариантов идентичностей, при обеспечении первенства национальной гражданской идентичности;

- переход от определения гражданства «по крови» к определению его «по почве», что предполагает, получение гражданства любым человеком, родившимся на территории данного национального государства, конечно, при выполнении им ряда обязательных условий;
- символическая политика — поиск общих традиций, исторических символов, общих героев, общих лояльностей, изъятие из публичной речи понятий, приобретших в языке устойчивых негативные коннотации («лица кавказской национальности», «нацмены», «этноцид» и др.) и замена их нейтрально окрашенными.

В идеале, для того чтобы добиться успеха в этнополитике, предотвращении и урегулировании этнополитических конфликтов, как вертикальных, так и горизонтальных, «этничность должна быть максимально деполитизирована, подчинена приоритету прав человека и свободы личности. Национализм не должен переходить в этнонационализм, а базироваться на общегражданской солидарности и патриотизме. В системе политических отношений... этнический фактор не должен играть большой роли, и даже вообще может быть исключен из политической сферы как самостоятельный и самоценный... при обязательном возрастании его роли в культуре» [16, с. 58].

Не менее важно снизить значимость широко распространенного в нашем отечестве дискурса этнических, культурных, конфессиональных различий, отказаться от интерпретации политических, экономических, социальных проблем исключительно в терминах этничности, культуры, конфессии, а также от риторики доминирования, центрированной вокруг поиска «государствообразующих» народа, культуры, религии. Напротив, «признание (культурного) разнообразия и права на (культурное) отличие — с ориентацией на защиту прав гражданина вне зависимости от его этнической, культурной, конфессиональной принадлежности — должно стать основой российского национального проекта. Сама культура при этом не должна пониматься как гомо-

генная и неизменяемая субстанция, имманентно связанная с этничностью» [10, с. 141].

Иначе говоря, социокультурная интеграция находится в зависимости по крайней мере от четырех различных, но взаимосвязанных процессов, которые в системном единстве способствуют формированию гражданской идентичности:

- 1) признание плюрализма этнокультурных идентичностей в целях содействия макросоциальной солидарности в рамках единого гражданского нормативно-правового пространства;
- 2) политическое представительство и коллективные права этнических меньшинств на всех уровнях в целях гарантирования того, что интересы, идентичности и ценности различных социокультурных групп учитываются в процессе принятия государственных решений и распределения ресурсов;
- 3) перераспределение экономических и политических ресурсов между различными социальными субъектами в целях предотвращения диспропорций и фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности [15, с. 144–145].
- 4) системные меры в таких сферах, как противодействие этнической дискриминации, утверждение равенства граждан перед законом, расширение участия в управлении, снижение уровня коррупции в тех сферах, которые особенно чувствительны для этнической политики [7, с. 23].

Сегодня также ясно, что национальная интеграция «поверх» имеющихся культурных различий невозможна без некоторой степени культурной унификации. В конечном счете стабильное существование любого демократического государства невозможно без социальной интеграции, которая неизбежно требует осознания индивидами, которые принадлежат к различным этнокультурным и конфессиональным группам, своей принадлежности к сообществу его граждан и определенной культурной общности.

«Производство» единой повестки дня и общей идентичности для тех, кто правит, и для тех, кем правят, формирование общего взгляда на мир и общей системы понятий, ценностей и смыслов ведет к укреплению существующего политического порядка. Именно на-

циональная идентичность как форма коллективной идентификации превращает социальную группу в сообщество, воспринимающее себя как единое целое. Это необходимое условие нормального функционирования любой социальной системы. Только тот, кто считает себя частью такого сообщества, готов подчиняться его нормам и правилам и нести ответственность за их соблюдение. Поэтому и российская гражданская идентичность формируется процессами социальной категоризации и дифференциации — ментальным (с активным участием эмоций и ценностей) созиданием, «воображением» (по Б. Андерсону) общности россиян и идентификации с ней [17, с. 16]. Однако результаты даже успешной государственной политики национальной идентичности относительны и требуют постоянных усилий и подтверждения. Поэтому процесс социальной интеграции, результатом которого и является гражданская нация, фактически продолжается на протяжении всей истории сообщества, иными словами, оно постоянно находится в процессе «формирования», постоянно возникают и, с большим или меньшим успехом, разрешаются кризисы идентичности, а этнонационализм и этносепаратизм являются вызовом практически для всех государств со сложным этнокультурным составом населения.

Несомненно, что этнонациональные проблемы решаются трудно в любом государстве и любом обществе. Для этого должны использоваться различные экономические, финансовые, налоговые, пропагандистские, культурно-просветительские и другие методы. Над решением этих проблем должны трудиться не только чиновники, но и квалифицированные социологи, этнографы, политологи, демографы, лингвисты и культурологи. Проблемы подобного рода также не могут решаться при опоре на какую-нибудь одну политическую доктрину, потому что любая доктрина — это шаблон, прокрустово ложе, куда наличную реальность можно загнать, только искалечив ее.

В то же время следует понимать и то, что до тех пор, пока в отдельных странах и во всем мире будет существовать социальная и экономическая несправедливость, всегда будут появляться люди, которые будут ее осознавать и интерпретировать в этнических терминах, и политические лидеры, которые будут ее использовать, чтобы добиваться власти или ее укрепления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ачкасов Валерий Алексеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии. **Телефон:** +7 (812) 363–64–59. **Электронная почта:** val-achkasov@yandex.ru.

Research Article

VALERY ACHKASOV¹

¹St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia

**PARADOXES OF REGIONAL ETHNOPOLITICS
IN MODERN RUSSIA**

Abstract. The article examines some paradoxical features of regional ethnopolitics in modern Russia, which, according to the author, are explained by the fact that in modern Russia the ideological and institutional legacy of the Soviet national policy remains practically unchanged. This is primarily about the prevalence of the ethnocultural interpretation of the nation not only in society, but also in scientific and political discourse. Due to this, the political and intellectual elites of the “internal” Russian nations are very suspicious of the implementation of the goal declared in the “Strategy of the State National Policy of Russia until 2025” — the formation of a Russian civil nation, since they consider the processes of cultural assimilation as abnormal and dangerous for ethnic nations, and territory as a category of “national”, and in fact ethnic property. Based on the results of the study, the author formulates some recommendations regarding the necessary changes in the content of Russian ethnopolitics.

Keywords: regional ethnopolitics, Russia, nation-citizenship, identity politics, political elites, ethnocentrism

For citation: Achkasov V.A. Paradoxes of regional ethnopolitics in modern Russia. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. P. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.2>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valery A. Achkasov — St. Petersburg State University, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Ethnopolitical studies department, Faculty of Political Science. **Phone:** +7 (812) 363–64–59. **Email:** val-achkasov@yandex.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Авксентьев В.А., Васильченко В.А. Тупики этнического федерализма // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2013. № 10. С. 6–15. EDN: RDHSIL
Avksentyev V.A., Vasilchenko V.A. Dead ends of ethnic federalism. *OBOZREVATEL-OBSERVER*. 2013. No. 10. P. 6–15. EDN: RDHSIL (In Russ.)
2. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Нация в аналитическом фокусе: некоторые аспекты зарубежных и российских исследований // Гуманитарий юга России. 2020. Т. 9. № 3. С. 154–169. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.11>. EDN: NMGQWV.
Avksentyev V.A., Aksyumov B.V. The nation in analytical focus: some aspects of foreign and Russian research. *Gumanitarniy yuga Rossii*. 2020. Vol. 9. No. 3. P. 154–169. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.11> (In Russ.)
3. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ИЭА РАН, 2010. 264 с.
Astvatsaturova M.A., Tishkov V.A., Khoperskaya L.L. *Konfliktologicheskie modeli i monitoring konfliktov v Severo-Kavkazskom regione* [Conflictological models and conflict monitoring in the North Caucasus region.] Moscow: IEA RAS Publ., 2010. 264 p. (In Russ.)
4. Аствацатурова М.А. К определению форматов публичной этнополитики Российской Федерации в условиях современных политических вызовов // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022 г. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 46–47.
Astvatsaturova M.A. On the definition of formats of public ethnopolitics of the Russian Federation in the context of modern political challenges. *Politicheskie vyzovy i politicheskij dialog v uslovijah globalnoj turbulentnosti: Materialy Vserossijskoj konferencii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, INION RAN, MGIMO MID Rossii, 2–3 dekabrja 2022 g.* [Political challenges and political dialogue in the context of global turbulence: Proceedings of the All-Russian conference of the Russian Academy of Political Sciences with international participation. Moscow, INION RAS, MGIMO MFA of Russia, December 2–3, 2022.] Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. Moscow: Aspect Press, 2022. P. 46–47. (In Russ.)

5. Ачкасов В.А. Перестали ли быть политическими акторами лидеры региональных националистических организаций? // *Власть и элиты*. 2021 Т. 8. № 1. С. 170–183. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.7>. EDN: JVPVBR
Achkasov V.A. Have the leaders of regional nationalist organizations ceased to be political actors? *Vlast' i elity*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 170–183. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.7> (In Russ.)
6. Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.
Blakher L. *Iskusstvo neupravljaemoj zhizni. Dalnij Vostok*. [The art of un-governable life. Far East.] Moscow: Europa Publ., 2014. 208 p. (In Russ.)
7. Верховский А. Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма // *Pro et Contra*. 2014. № 1–2. С. 19–33.
Verkhovsky A. Ethnopolitics of federal power and the activation of Russian nationalism. *Pro et Contra*. 2014. No. 1–2. P. 19–33. (In Russ.)
8. Гобл П. Советская национальная политика // *Проблемы Восточной Европы*. 1994. № 41–42. С. 170–203.
Goble P. Soviet national policy. *Problemy Vostochnoj Evropy*. 1994. No. 41–42. P. 170–203. (In Russ.)
9. Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / отв. ред. В.А. Авксентьев, М.М. Шульга. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 224 с.
Institucionalnye, istoricheskie i kulturnye ramki formirovaniya obshherossijskoj identichnosti na Severnom Kavkaze [Institutional, Historical and Cultural Framework for the Formation of an All-Russian Identity in the North Caucasus.] Ed. by V.A. Avksentyev, M.M. Shulga. Rostov-on-Don: JuNC RAN publ., 2022. 224 p. (In Russ.)
10. Клименко Е.В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России // *ПОЛИС: Политические исследования*. 2015. № 6. С. 131–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.13>. EDN: UOHUZD
Klimenko E.V. Integration and Differences. On the Civil Nation in Russia. *POLIS: Politicheskie issledovanija*. 2015. No. 6. P. 131–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.13> (In Russ.)
11. Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // *Социологические исследования*. 2021. № 8. С. 93–102. <https://doi.org/10.31857/S013216250014161-0>. EDN: NZOFWE
Kuznetsov I.M. Foundations of value consolidation of Russians: traditionalism and renewal. *Sociologicheskie issledovanija*. 2021. No. 8. P. 93–102. <https://doi.org/10.31857/S013216250014161-0> (In Russ.)

12. Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с.
Malakhov V.S. *Ponaehali tut... Ocherki o nacionalizme, rasizme i kulturnom pljuralizme*. [They've Come Here in Large Numbers... Essays on Nationalism, Racism and Cultural Pluralism.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 200 p. (In Russ.)
13. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 227, [1] с.
Malakhov V.S. *Kulturnye razlichija i politicheskie granicy v jepohu globalnyh migracij* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migrations.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 227, [1] p. (In Russ.)
14. Мартынов В. Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2 (53). С. 94–109. EDN: VQWVBX
Martyanov V. Construction of a political nation and ethnonationalism. *Logos*. 2006. No. 2 (53). P. 94–109. (In Russ.)
15. Попов М.Е. Современные теории конфликта этнических идентичностей // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. Т. 11. 2015. № 1. С. 143–150. EDN: VHOYAX
Popov M.E. Modern theories of the conflict of ethnic identities. *POLITEX: Politicheskaja jekspertiza*. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 143–150. (In Russ.)
16. Россия: центр и регионы. Вып. 10. М.: Компания Спутник+, 2003. 277 с.
Rossija: centr i regiony. Вып. 10. [Russia: center and regions. Issue 10.] Moscow: Kompanija Sputnik+ Publ., 2003. 277 p. (In Russ.)
17. Рыжова С.В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.828>. EDN: TPBYIX
Ryzhova S. V. Russian identity in regional diversity: the role of trust. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 13–31. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.828> (In Russ.)
18. Силаев Н.Ю. Управлять неуправляемым: что такое национальная политика? // Политическая наука. 2017. № 4. С. 226–242. EDN: ZXXUBH
Silaev N.Yu. Managing the unmanagable: what is national policy? *Politicheskaja nauka*. 2017. No. 4. P. 226–242. (In Russ.)
19. Тишков В.А. О российском народе // Дружба народов. 2006. № 8. С. 179–197. EDN: SMFAVD
Tishkov V.A. About the Russian people. *Druzhiba narodov*. 2006. No. 8. P. 179–197. (In Russ.)

20. Филиппова Е. Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. 239 с.
Filippova E. *Francuzskie tetradi. Dialogi i perevody*. [French notebooks. Dialogues and translations.] Moscow: FGNU «Rosinformagroteh» Publ., 2008. 239 p. (In Russ.)
21. Шабает Ю.П. Новые общины в Республике Коми // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / в. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. С. 143–148. EDN: UFWWUP
Shabaev Yu.P. New communities in the Komi Republic. *Novyye etnicheskiye grupy v Rossii. Puti grazhdanskoj integratsii* [New ethnic groups in Russia. Paths of civil integration.] Ed. by V.V. Stepanov, V.A. Tishkov. Moscow: FGNU «Rosinformagroteh» Publ., 2008. P. 143–148. (In Russ.)
22. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Локальные проблемы реализации государственной национальной политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 1. С. 5–30. EDN: UINBWF
Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P. Local problems of implementing state national policy. *Politicheskaja jekspertiza: POLITEX*. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 5–30. (In Russ.)
23. Шабает Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнополитика в современной России: политические практики и институциональные ресурсы управления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 3. С. 167–183. EDN: ULQOKX
Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Shilov N.V. Ethnopolitics in modern Russia: political practices and institutional management resources. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*. 2015. Vol. XVIII. No. 3. P. 167–183. (In Russ.)